Его согнутое тело внезапно потянули вниз. Толстый и длинный член Алека, который до этого лишь тихо пульсировал у их соединения, наконец нашёл себе место и начал входить.

Отверстие уже было раскрыто, влажное и скользкое от предэякулята, вытекшего с головки. Заметив, что он напрягся, словно готовясь к боли, Алек тихо усмехнулся: «Ха». Он внезапно разжал их сцепленные руки и поднял одно из коленей Дэниела.

Размер был значительным. Был ли кто-то, кто смог бы принять это целиком? Было очевидно, что его тело сломается, если войдёт хотя бы наполовину. Он пожалел о своей глупой настойчивости, но было уже слишком поздно.

Алеку тоже, похоже, становилось трудно сдерживаться: он полностью приподнял своё тело с придавленного им торса Дэниела и, раздвинув ему бёдра, широко развёл колени.

— А-а, а…!

— Расслабь тело.

— А-а-а…!

И так член, насильно найдя себе место, втиснулся глубже. Словно перебирая струны арфы одну за другой, головка при проникновении проходила по каждой складке внутренней стенки.

Дэниел даже не мог вдохнуть, издавая булькающие звуки, прежде чем его рот безвольно приоткрылся. Это была боль, с которой он никогда прежде не сталкивался. Пальцы ног непроизвольно поджались.

Его глаза, покрасневшие незаметно для него самого, затуманили зрение. Пока Дэниел сопротивлялся, выдыхая короткие, судорожные вдохи, похожие на предсмертный хрип, Алек всё же проявлял некоторую сдержанность в движениях, но в итоге оставался медленным и настойчивым, проталкиваясь до самого основания.

Это было невероятно. Он действительно вошёл целиком. Казалось, его тело разрывают надвое.

С единственным инстинктом выживания Дэниел вцепился в простыни обеими руками и попытался вырваться, но руки Алека мягко перехватили его запястья. Затем, сжав их ещё крепче, он прошептал:

— Я же сказал тебе расслабиться.

Такой боли просто не могло существовать. И ощущение стимуляции, способное стереть эту боль, тоже только начиналось.

Член, однажды проложив путь, медленно вышел, словно давая ему передышку. Внутренние стенки, приветствуя отступление чужеродного объекта, судорожно сжались, будто пытаясь вернуться в прежнее состояние, но вскоре он снова начал вгрызаться в него, словно демонстрируя своё превосходство, до такой степени, что сознание Дэниела казалось полностью расплавленным. Он чувствовал себя льдинкой на асфальте. Не в силах удержаться, он ощущал, что вот-вот растает и исчезнет в лужице.

Алек силой раздвинул колени Дэниела, которые всё пытались сомкнуться. Когда он начал двигаться по-настоящему, Дэниел не мог даже вдохнуть, принимая в себя грубые толчки. Казалось, искры вспыхивали каждый раз, когда головка скользила внутри. Зрение застлало

белым, и он уже не мог думать.

— Погоди, я се…!

Все суставы в его теле заскрипели.

Прежде чем он успел даже попросить остановиться на мгновение, его начали вколачивать так сильно, что из него вырывались лишь сдавленные звуки.

Чем яростнее Алек двигался, тем яснее Дэниел понимал, что и этот мужчина перед ним был столь же отчаянным, как и он сам. По-настоящему огромный член, казалось, вот-вот достигнет самого живота Дэниела. Его мысли не успевали складываться в связное целое из-за того, как его безостановочно вбивали в него. Слишком большой. Слишком глубоко. Больно, но приятно.

— Нгх… хаахк! Ннгх!

После толчка он медленно выходил, затем менял угол и снова скреб по внутренним стенкам, из-за чего бёдра Дэниела непроизвольно поднимались.

Когда его влажный голос начал звучать чуть более жалобно, на прежде застывшем лице Алека появилась тень улыбки. Он наклонился и поцеловал бок правого колена Дэниела, а затем продолжил настойчиво двигаться. Кончики его ног, не способные вырваться из захвата, выгибались, словно крючья, и судорожно подрагивали, пока он мог лишь выдыхать сдавленные вдохи.

Почему? Как это может ощущаться так хорошо, когда это так больно? По нижней части живота прокатывалась дрожащая, пронзительная волна. Внутренние стенки Дэниела липко цеплялись за движущийся внутри член, сжимаясь вокруг него.

— Странно… слишком… большое… а-а…

— Он становится всё тверже и тверже. И ещё сильнее покраснел.

Алек провёл пальцем по напряжённому, полностью эрегированному члену Дэниела. Одно это лёгкое прикосновение заставило всё его тело задрожать, словно от удара электрическим разрядом. Когда Алек двигался в рваном ритме, с его губ срывались даже неглубокие стоны. Дэниел, испугавшись незнакомого звука собственного голоса, попытался прикрыть рот, но другой мужчина сменил положение, и его тело оказалось наполовину перевёрнутым.

— Мы ещё не закончили. Держись за что-нибудь, чтобы не пораниться.

— А… хап…!

Алек приподнял бёдра Дэниела, вынуждая его тело изогнуться, и вогнал член глубже. Казалось, каждая линия его тела прямо сейчас перемалывается у него на глазах. Внутри всё ощущалось так, будто его сминают в мягкую кашицу; удары были похожи на удары лошадиных копыт.

Он не закрывал глаз, но зрение застилала тьма. Он плакал так сильно, вцепившись в подушку и простыни, что едва мог контролировать челюсть. Слюна без стыда стекала из уголка рта.

Соски, затвердевшие от возбуждения, задевали простыню, вызывая странное удовольствие. Когда его изогнутое тело двигалось вверх и вниз, стираясь о ткань, соски саднило, будто их

терли наждачной бумагой, но это ощущение было приятным.

— А-а, нгхаа…! ха-а!

Напряжение, охватывавшее всё тело, превращалось в наслаждение. Экстаз, ощущаемый внизу, стал всем, что существовало в этот миг. Дёргающийся член дрожал, сдерживая разрядку, а точка соединения с Алеком раскрывалась всё шире, словно приглашая войти глубже.

После того как его тело так пронзили, сможет ли оно когда-нибудь вернуться в прежнее состояние? Чем тяжелее становилось дыхание Алека, тем более спутанным было сознание Дэниела. «Просто продолжай, сделай так, чтобы было ещё лучше». Это была его единственная мысль.

Пока Дэниел проливал слёзы от удовольствия, которого никогда прежде не испытывал, Алек тоже был не в себе от подобной стимуляции. Его ровное дыхание давно сменилось рваным, на лбу выступили капли пота. Тело Дэниела, обнажившее всю свою уязвимость, крепко сжималось вокруг члена Алека, который грубо двигался внутри, словно решительно отвергая любое сопротивление. Чёрт. Он почти сорвался на неожиданно вульгарное ругательство, мысленно спрашивая себя, где тот научился так сжимать член.

Когда он вообще был из тех, кто говорит прямо и действует холодно, словно рубит редьку? Сейчас он, сам того не осознавая, извивался и двигал бёдрами в такт толчкам Алека — и это выглядело до ужаса непристойно. От чувственных стонов до рыданий, от того, с какой силой он сжимал его член, несмотря на разницу в их телах и непрерывные толчки — всё это было чрезмерно откровенно.

Это было идеальное совпадение. Импульс быстрее достичь финала и противоречивое желание бесконечно мучить Дэниела в своих руках — всё это вырывалось само собой.

— Ал… ек… Алек… быстрее…!

— Потерпи ещё. Ты же можешь, верно?

— Нгх… ннх! нгх, всхлип!

В такой ситуации Дэниелу казалось, что было бы недостаточно просто кричать Алеку, который орудовал этим чудовищным размером, призывая его попробовать самого, но его тело уже полностью раскрывалось и принимало его.

Он был вдали от него всего две недели. Но что это за пустота, которую он ощущал тогда? Возможно, чтобы заполнить этот разрыв, из их плотно соединённых тел непрерывно доносились влажные, хлюпающие звуки.

В этот момент он и этот мужчина были неразрывно связаны. Он не знал, куда исчезла пустота, метавшаяся раньше в его сердце, и теперь не понимал, что это за тесное чувство, которое кричало во всё горло и яростно царапало грудь.

Его соски, резко выступавшие на груди, которая при каждом судорожном вдохе вздымалась, словно батут, стали невероятно напряжёнными и покраснели. Иногда Алек опускал верхнюю часть тела, прижимаясь вплотную, и сжимал эти красные, набухшие, похожие на стебли клубники вершины зубами или перекатывал их кончиком языка, ещё сильнее разжигая удовольствие Дэниела.

Даже задыхаясь, словно человек, отчаянно барахтающийся на поверхности моря, Алек не прекращал толчков. Каждый раз, когда его задний проход, влажно двигаясь вперёд и назад, крепко сжимался вокруг члена Алека, тот хватал Дэниела за бёдра и вбивался ещё глубже, окончательно лишая его рассудка.

Ещё. Вбей глубже.

Дэниел обхватил подушку и разрыдался, окончательно отпустив ту нить разума, за которую ещё цеплялся перед лицом плотского желания, полностью захватившего его тело.

Алек, всё ещё сохранявший хотя бы частичный самоконтроль, подстраивал темп, но для того, в кого вбивались сразу после прелюдии, даже без предварительной подготовки пальцами, о каком-либо терпении не могло идти и речи.

Они оба жадно пожирали друг друга, словно голодные, по крупицам наполняясь удовольствием.

— Больно?

— Быстрее, ещё быстрее… а…!

— Не торопи меня, даже сейчас…

— А… а… ха-а…!

Дэниел снова едва не прикусил язык, когда член с другого угла прошёлся по нему, скребя и вгрызаясь внутрь. Алек явно намеревался сегодня превратить его внутренности в кашу. Всё его тело ощущалось тяжёлым, влажным и горячим, словно пропаренное полотенце.

Биологические жидкости, уже невозможно было понять, чьи именно, беспорядочно пропитывали белые простыни. С животом было то же самое. С головки члена Дэниела, едва сдерживающего приближающееся извержение, стекал скользкий прозрачный предэякулят. Его член, болезненно напряжённый, с жёстко поднятой головкой, покраснел глубоким красным цветом от попыток удержать надвигающийся оргазм.

Не в силах больше терпеть, Дэниел попытался схватить свой член рукой, но его попытка была тщетно пресечена. Алек не позволял ему кончить самому.

— Нет, ста…!

— Ты не можешь… Ха… сам…

Алек схватил его за левую руку и бедро и вбился ещё сильнее. Дэниел разрыдался в истерике, и лишь после того, как сквозь него прокатился один пик наслаждения за другим, а затем ещё один, он смог с трудом собрать воедино распавшиеся обрывки разума.

— Пожалуйста… сейчас…

Это был предел. Член, который он принял без предупреждения, полностью исцарапал и измотал внутренние стенки Дэниела. Алек, сам вышедший из-под контроля, тоже то и дело терял и возвращал себе ясность, и его привычная сдержанность исчезла без следа.

Внезапно сменив положение, Алек придавил Дэниела под собой и посмотрел ему в лицо; их короткие вдохи смешивались. Влажный взгляд из-под длинных ресниц, кожа вокруг глаз,

пылающая от жара, — он жадно впитывал всё до последней детали. Словно пытаясь успокоить умоляющего Дэниела, он поцеловал его — легко, словно птица клюёт, — от груди к ключице, по линии шеи, затем прикусил пухлую мочку уха и крепко сомкнул зубы. Если уж играть в ублюдка, то до конца.

Когда он сменил положение, движущийся внутри член тоже изменил направление и вошёл в другое место. Толстый член Алека с набухшими венами словно разрывал внутренние стенки, стремясь их смять. Дэниел снова беспорядочно застонал и в какой-то момент, не в силах контролировать дрожащее тело, вцепился в Алека так, словно от этого зависела его жизнь. Алек, подхватив его обеими руками, продолжил двигаться внутри него, как зверь.

— А… а-а! а-а-а…!

Вбиваясь до самого основания, член, достигший глубочайшей точки, задел чувствительное место. Дэниел, уже отказавшийся от борьбы, издал гнусавый звук и изогнул застывшее тело. В момент совершенно невыносимого пика он резко стиснул зубы и впился в плечо Алека.

Алек, уже до предела возбуждённый этой непривычной болью, тоже больше не смог сдерживаться. Он излился с силой, и следом за этим член Дэниела тоже выпустил белую прозрачную жидкость с влажным, прерывистым звуком.

Не нуждаясь в словах о том, кто был первым, их сознание полностью помутилось, и перед глазами рассыпались искры. Ощущение удовольствия, будто нарушающее законы гравитации, накрыло их — словно падение и парение одновременно. Всё тело Дэниела было горячим, и особенно внутренние стенки, сжимавшие член Алека, казались охваченными огнём, будто их прижгли клеймом.

Начавшись с боли, ощущавшейся как разрывающая и раскалывающая тело надвое, всё в итоге свелось лишь к удовольствию, которого он никогда прежде не испытывал. Слёзы, опасно скопившиеся в глазах Дэниела, проиграли гравитации и потекли по щекам.

Пока Дэниел захлёбывался в собственном оргазме, Алек тоже выдохнул всё, что так долго сдерживал. Это была затяжная разрядка — настолько долгая, насколько долго он копил напряжение. Семя, выходившее непрерывными волнами, растекалось и заливало член и внутренние стенки, заполняя всё влажным теплом.

После того как кипящее семя полностью наполнило его, оно стало переливаться наружу и вытекать из точки соединения. Раскрытое отверстие Дэниела оказалось перепачкано густым липким белым семенем — настолько, что ярко-красная внутренняя плоть уже не была видна.

— А… нгх… ха…

— Хаа… хаа…

Свет разума, мерцавший, словно лампочка с почти сгоревшей нитью накала, наконец вновь загорелся.

Дэниел попытался приподнять своё измождённое тело, но тут же сдался. Он не только всё время был зажат в объятиях Алека, но и выдержал всю силу его движений, когда тот вбивался, используя вес своего тела, из-за чего у него не осталось сил даже пошевелить пальцем. Это был первый раз, когда он не мог управлять собственными конечностями.

— Ты… я тебя правда ненавижу…

— Да. Мне тоже понравилось.

Было ли это из-за пережитого вместе времени или из-за их соединённых тел? А может, потому что он наблюдал отрицание Дэниела Линдберга с максимально близкого расстояния?

Алек, который теперь научился по-своему понимать слова «я тебя ненавижу», слегка изогнул уголок губ и тихо усмехнулся.

Его грудь, ещё недавно судорожно вздымавшаяся, постепенно обрела плавную линию. Дыхание выровнялось, но тело, всё ещё тёплое от не утихшего жара, оставалось обмякшим, словно сдувшийся шар.

Алек обхватил его лицо обеими руками и снова осыпал поцелуями. На этот раз это был не лёгкий поцелуй, как перед сном, а долгий, глубокий, почти поглощающий губы. Пока глаза Дэниела были закрыты, казалось, что Алек намерен вобрать в себя каждую частицу его выдоха.

«Странно».

Тело, которое было полностью изнеможено и выплакало всё до конца, теперь было пустым — в нём больше нечему было изливаться. И всё же в этой пустоте не было ощущения опустошённости. Её заполняло тёплое нечто, которого он никогда прежде в жизни не испытывал: спокойное, приятное чувство умиротворения существовало лишь потому, что Алек держал всё его тело.

Его тонкие веки дрогнули, когда Алек вынул свой член, и наружу вытекла вязкая жидкость. В итоге они не смогли справиться с тяжестью — сознание Дэниела погасло, словно перегоревшая лампочка, а разум отключился.

http://bllate.org/book/17841/1739231